

Дубовицкий Виталий Алексеевич

СЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В ДЕРЕВНЕ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРИОДА НЭПА

В статье рассматриваются вопросы борьбы за кооперацию, изменения к ней отношения после перехода к нэпу, и подчинение кооперативного аппарата государству и утрата кооперацией присущих ей свойств.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/1/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (7). С. 95-97. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 908

В статье рассматриваются вопросы борьбы за кооперацию, изменения к ней отношения после перехода к нэпу, и подчинение кооперативного аппарата государству и утрата кооперацией присущих ей свойств.

Ключевые слова и фразы: сельскохозяйственная, кредитная, потребительская кооперация; компартия и кооперация; торговля.

Виталий Алексеевич Дубовицкий

Кафедра истории и философии

Тамбовский государственный технический университет

milana.61@mail.ru

СЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В ДЕРЕВНЕ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ПЕРИОДА НЭПА[©]

Кооперация, потерпев политическое поражение, демонстрировала свою живучесть и умение справляться с задачами государственного значения как экономическая организация. 1918–1920 гг. связаны с борьбой большевиков за овладение кооперацией, за превращение кооперативного аппарата в аппарат заготовок и распределения. Это привело к национализации финансовой системы кооперации, к превращению кооперации в государственную организацию, к утрате ею истинно кооперативных принципов деятельности.

Разрушительным для кооперации, после декрета о введении продразверстки, стало принятие декрета СНК «О потребительских коммунах» от 16 марта 1919 г. [6, с. 503-505], согласно которому в городах и селах потребительские кооперативы объединялись и реорганизовывались в единые распределительные органы – потребительские коммуны, охватывавшие все население местности. Членство в потребительских коммунах стало обязательным для каждого гражданина. Сельскохозяйственная и кустарно-промышленная кооперация, сохранившая некоторую самостоятельность, после принятия декрета от 27 января 1920 г. «Об объединении всех видов кооперативных организаций» [Там же, с. 12-15] превратилась в сельскохозяйственную секцию Центросоюза. Так государство окончательно подчинило себе кооперацию. Кооперация, по признанию В. И. Ленина, оказалась «в состоянии чрезмерного удушения» [10, с. 64], а фактически частью была упразднена, а частью низведена до подсобного аппарата государства. Превратившись в государственно-кооперативное предприятие, кооперация утрачивала свои ранее сильные стороны: инициативность, маневренность, способность заинтересовать население.

Известные события военного коммунизма и гражданской войны заставили советскую власть в начале 1921 г. изменить свою политику. Менялась она и в отношении кооперации. Как известно, вся политика этого периода вытекала из принципиальных представлений о создавшемся строе. При нэпе были отменены наиболее одиозные ее компоненты; принципиальные начала этой политики остались неизменными. Так, уже в выступлениях на X съезде РКП(б) В. И. Ленин называл кооперацию среди тех первых участков работы, где нужна резкая перемена политики.

Кооперация становилась определяющим фактором новой экономической политики, поскольку она решала проблему социалистического развития для основной массы населения. Нэп должен был не просто осуществляться через кооперацию, а иметь в качестве положительной цели максимальное развитие кооперации и превращение ее во всеобщую форму социальной организации населения. При этом массовая коллективизация крестьянских хозяйств, как исходный пункт движения деревни к социализму, исключалась [5, с. 15-16]. Но всему помешал сталинский термидорианский переворот.

Боязнь реставрации капитализма на базе товарно-денежных отношений вела правительственную политику к подмене собственно кооперативных институтов хозяйствования государственным декретированием. В начале 1920-х гг. образование т.н. «кооперативной системы» происходило в принципиально ином, чем до революции, направлении: «сверху – вниз».

Декретом Совнаркома от 7 апреля 1921 г. кооперация была освобождена от подчинения Наркомпроду и получила право на самостоятельное существование. По декрету «О потребительской кооперации» все граждане РСФСР объединялись в ЕПО (единые потребительские общества – поголовное членство сохранялось), которым было дано «право организовывать предприятия по добыче и обработке продуктов, а также устраивать огороды, молочные фермы и другие предприятия подобного рода, выполнять поручения в области снабжения, заготовок и распределения, даваемые добровольными потребительскими объединениями, учреждениями и отдельными лицами». Декрет сохранял обязательное членство и трехступенчатую структуру организации (ЕПО, губсоюз, Центроюз) [7, с. 230-232].

Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О сельскохозяйственной кооперации» от 18 августа 1921 г. восстановил самостоятельное существование сельскохозяйственной кооперации. Ее первичные организации в Тамбовской губернии 24 декабря 1921 г. были объединены в губернский союз сельскохозяйственной, кустарно-промышленной и кредитной кооперации (губсельскосоюз), а в январе 1923 г. в состав губсельскосоюза вошли колхозы [8, с. 16].

Тамбовский губком РКП(б) через свой орган журнал «Коммунист» предложил партийным комитетам развернуть «широкую агитацию с обстоятельным и строго коммунистическим объяснением роли и задач кооперации», наладить учет кооперативных работников, установить строгий контроль за работой партийных фракций в кооперативных организациях. В итоге «ударной» работы в 1922 г. среди членов правления Тамбовского губпотребсоюза стало 86%, в правлениях райотделений – 61,3% коммунистов [1].

Большинством коммунистов кооперация, да и сам нэп рассматривались с точки зрения тактики, а не долговременного стратегического курса. В соответствии с этой установкой проводилась кооперативная политика, суть которой сводилась к следующим требованиям: возможно более широкое вовлечение населения в кооперацию и преимущественно его бедняцко-средняцкой части; возможно более быстрое вытеснение частного из торговли и замещение его потребительской кооперацией; добиться того, чтобы потребкооперация стала единственным проводником продуктов от производителей к потребителям.

На практике потребкооперация губернии переживала серьезный кризис доверия: срыв товарообмена, экономическая «худосочность», слабая активность, сокращение торговой сети в начале нэпа, неясность ее действительного положения. По мере некоторого оживления рыночных отношений роль кооперации могла возрасти. Однако и здесь наметилось противоречие между ее возможностями и реальной ролью в народном хозяйстве. В основе этого противоречия лежали следующие причины: недостаток промышленных товаров, инфляция, кооперативные работники начали развивать торговлю в городе и стали проникать в село, когда там уже господствовал частник. В итоге из времен военного коммунизма потребкооперация вышла с громоздким аппаратом, приспособленным для механического распределения, но малоприспособленным для широкой самостоятельной работы в новой обстановке.

Эти недостатки кооперативных органов сильно повлияли на развитие кооперативного движения. В дополнение к этому, определенное «идеологическое пренебрежение» части инструкторов к торговым вопросам также оказало отрицательное воздействие на обновление кооперативов.

28 декабря 1923 г. декрет ЦИК и Совнаркома СССР «О реорганизации потребительской кооперации на началах добровольного членства» отменил обязательную приписку граждан к ЕПО. Как вступление, так и выход из них стали добровольными [7, с. 418].

Тамбовский губком РКП(б) сразу же направил парткомам циркуляр, в котором обязал их обеспечить руководящее влияние в кооперации при переходе на добровольное членство, а коммунистов и комсомольцев стать пайщиками ЕПО [2]. Кроме того, добавилась новая забота – борьба со старыми кооператорами, позиции которых несколько усилились в связи с добровольным членством.

Как видим, коммунисты разрешили кооперации превратиться из распределительного аппарата в самостоятельную хозяйственную организацию населения, действовавшую в условиях рынка и приспособившуюся к нему. Но, предоставляя кооперации право на производство товарообмена, большевики утверждали необходимость контроля за ее деятельностью со стороны государства. Это означало, что руководство в центре и на местах подходило к вопросу об определении места и роли кооперации не столько с экономической, сколько с социально-политической точки зрения.

Число кооперативов всех видов росло: так, поданным на 1 октября 1923 г. зарегистрировано 296 потребительских обществ, а на 1 октября 1926 г. – 396; соответственно кредитных кооперативов – 201 и 217; сельскохозяйственных – 717 и 719. Наиболее быстро росло число сельскохозяйственных кооперативов: на 1 октября 1927 г. их насчитывалось 1960, и они объединяли 113 тысяч крестьянских хозяйств. В 1926/27 г. с помощью сельскохозяйственной кооперации было заготовлено 30% товарного хлеба [9, с. 157].

Однако задачи, которые ставились властями перед кооперацией, на практике были трудноосуществимы. Так, в торговле вытеснить частного не удавалось: если в 1924/25 г. в губернии насчитывалось 2114 кооперативных торговых заведений с оборотом в 17329 руб., а частных – 4452 с оборотом 16552 руб., то в 1925/26 г. соответственно 1663 (произошло укрупнение) и 35729 и 6675 и 33769 [Там же, с. 148, 152]. Как видим, частник, несмотря на притеснения со стороны государства позиций не сдавал. Преимущественное обслуживание бедноты приносило громадные убытки сельскохозяйственной кооперации из-за медленного возврата ссуд и частых невозвратов. Так, из кредитов, взятых в 1925/26 г., не было возвращено более 30% [3].

Кооперация, как потребительская, так и кредитная в середине 20-х гг. находилась в парализованном состоянии. Так, из 14 проверенных в 1925 г. кооперативов «нормально выглядели» 2-3. Остальные владели нищенское существование, более половины из них были попросту разворованы. Из 283 низовых кооперативных объединений 213 были неработоспособны или расхищены. Накладные расходы в кооперативах были чрезвычайно высоки, цены втрое превышали рыночные. Крестьяне не доверяли кооперативам и, прежде всего, руководству, которое беззастенчиво использовало средства кооперации в личных целях [11, с. 163]. Попытку противопоставить кооперативы частнику следует признать несостоявшейся. Вместо хозяйственных объединений, способствовавших развитию производительных сил деревни, кооперативы превратились в «кормушку» для местных властей, вызывая у крестьян справедливое негодование.

Список литературы

1. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Д. 1216. Л. 31.
2. Там же. Ф. 840. Оп. 1. Д. 2271. Л. 6.
3. Там же. Д. 2654. Л. 130.
4. Там же. Д. 444. Л. 10 об.

5. Данилов В. П. Введение: истоки и начало деревенской трагедии // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы. М., 1999. Т. 1. С. 15-16.
6. Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 4. С. 503–507.
7. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. I. 1917–1928 гг. С. 230-232.
8. Кооператор. Тамбов, 1922. № 1. С. 16.
9. Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1927. С. 148, 152, 157.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 64.
11. Никулин В. В. «Новый курс» в деревне: замысел и реальность // Крестьяне и власть: материалы науч. конференции. М. – Тамбов, 1996. С. 163.

RURAL COOPERATION IN THE VILLAGE OF TAMBOV PROVINCE DURING NEW ECONOMIC POLICY PERIOD

Vitaliy Alekseevich Dubovitskiy
Department of History and Philosophy
Tambov State Technical University
milana.61@mail.ru

In the article the questions of the struggle for cooperation, the attitude change towards it after the transition to New Economic Policy, the subordination of the cooperative apparatus to the state and the loss of characteristics of cooperation are considered.

Key words and phrases: agricultural, credit, consumer's cooperation; communist party and cooperation; trade.

УДК 340.111.53

В статье изображен современный подход к определению категории «объект правоотношения». Путем теоретико-правового анализа указанного понятия автор приходит к универсальному определению, которое применимо к анализу не только гражданско-правовых отношений, но и иных, регулируемых отраслями публичного права. В доказательство приведен анализ объекта муниципально-правовых отношений.

Ключевые слова и фразы: объект правоотношения; правовой режим; муниципально-правовые отношения; местное самоуправление.

Елена Вячеславовна Ермолаева, к.ю.н.
Кафедра государственного и административного права
Ульяновский государственный университет
kabinet73@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ МУНИЦИПАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ[©]

Проблема объекта правоотношения, проблема его корректного с точки зрения теории права определения, является одной из наиболее интересных в современной юридической науке и на сегодняшний день не находит единообразного разрешения в теории правоотношения. В постсоветский период истории России работ, посвященных указанному вопросу, практически не было. Однако сама идея объекта не вычленилась из теории правоотношения, и при рассмотрении состава правового отношения авторы неизменно называли в качестве одного из его элементов объект [9, с. 348; 9, с. 320; 12, с. 157; 18, с. 309].

Однако вопрос, касающийся сущности объекта юридического правоотношения, так и остался невыясненным. По крайней мере, общепринятого подхода к пониманию категории «объект правоотношения» на сегодняшний день не наблюдается.

Проблема заключается еще и в том, что если в отраслях частного права обнаружить объект правоотношений не составляет труда, то в отраслях публичного права сделать это намного сложнее. Для достижения единообразия в понимании и трактовке объекта правоотношений теория объекта публично-правовых отношений должна строиться именно на работах в сфере теории права и концепциях объекта гражданских правоотношений.

Итак, достаточно часто в исследованиях ссылаются на определение объекта правоотношений, которое дал А. А. Алексеев: «Объект правоотношений – это те явления (предметы) окружающего нас мира, на которые направлены субъективные юридические права и обязанности» [2, с. 329].